

Русский пастырь в среде латвийской эмиграции: перипетии судьбы протоиерея Феодора Михайлова (1903–1959)

© И.В. Петров

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье рассматривается судьба представителей латвийской послевоенной эмиграции на примере уникальной личности, русского священника протоиерея Феодора Михайлова. Родившийся на территории современной Псковской области, священник в 1920-х годах вошел в число оппозиционных митрополиту Сергию (Страгородскому) представителей духовенства, за что был осужден на 11 лет. Выйдя из мест заключения в начале 1941 г., он вскоре попал на оккупированную нацистами территорию и вошел в состав Псковской Православной Миссии. Вместе с псковскими миссионерами протоиерей Феодор Михайлов эвакуировался сначала в Латвию, а затем в Германию, где оказался перед выбором двух церковных юрисдикций: своего наставника епископа Рижского Иоанна (Гаклава) и Русской Православной Церкви Заграницей. В подчинении последней во второй половине 1940-х гг. он успел послужить в нескольких православных приходах, в том числе в Регенсбурге, а также помочь в окормлении православных по вероисповеданию заключенных местных тюрем. К концу 1940-х гг. перед священником и его семьей встал вопрос о переезде в Соединенные Штаты Америки. После долгих раздумий, ради благополучия детей, протоиерей Феодор Михайлов переезжает в США и входит в юрисдикцию Северо-Американской митрополии. Статья основана на материале Архива Германской епархии Русской Православной Церкви Зарубежом и работ авторов, специализирующихся на русской церковной эмиграции, опубликованных сборников документов. Материал является одной из первых работ в серии статей, посвященных русской, эстонской, латвийской и белорусской послевоенной церковной эмиграции.

Ключевые слова: Феодор Михайлов, Русская Православная Церковь Заграницей, Латвия, Псковская Миссия, церковное возрождение, эмиграция, США, Германия, Вторая мировая война

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук №МК-4539.2021.2 Попытки отделения православных приходов Беларуси, Латвии и Эстонии от Русской Православной Церкви в 1941–1991 гг.

Для цитирования: Петров И.В. Русский пастырь в среде латвийской эмиграции: перипетии судьбы протоиерея Феодора Михайлова (1903–1959) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 230–244. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-230-244>

Russian priest among the Latvian Emigration: The fate of Archpriest Feodor Mikhailov (1903–1959)

© Ivan V. Petrov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract: This paper deals with the fate of representatives of the Latvian post-war emigration on the example of a unique personality, the Russian priest Archpriest Feodor Mikhailov. A priest born on the territory of the current Pskov region. In the 1920s he became one of the representatives of the clergy in opposition to Metropolitan Sergius (Stragorodsky), for which he was punished in jail from 1929 to 1941. Leaving places of detention at the beginning of 1941, he soon found himself in the territory occupied by the Nazis and became a member of the Pskov Orthodox Mission. Together with the Pskov missionaries Archpriest Feodor Mikhailov was evacuated first to Latvia and then to Germany. There the priest was faced with a choice of two ecclesiastical jurisdictions: his mentor, Bishop John (Gaklavs) of Riga, and the Russian Orthodox Church Outside of Russia. Subordinating to the latter in the second half of the 1940s he managed to serve in several Orthodox parishes, including in

Regensburg, and also to help in the nourishment of Orthodox believers in local prisons. By the end of the 1940s the priest and his family were faced with the choice of moving to the United States of America. After much deliberation, for the welfare of the children, Archpriest Feodor Mikhailov moved to the United States and came under the jurisdiction of the North American Metropolitanate. The article is based on material from the Archives of the German Diocese of the Russian Orthodox Church Outside of Russia and the works of authors specializing in Russian church emigration, published collections of documents. The material is one of the first works in a series of articles devoted to the Russian, Estonian, Latvian and Belarusian post-war church emigration.

Keywords: Feodor Mikhailov, Russian Orthodox Church Outside of Russia, Latvia, Pskov Mission, church revival, emigration, USA, Germany, World War

Acknowledgements: The article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for young candidates of sciences № МК-4539.2021.2 “Attempts to separate the Orthodox parishes of Belarus, Latvia and Estonia from the Russian Orthodox Church in 1941–1991”.

For citation: Petrov I.V. (2021) Russian priest among the Latvian Emigration: The fate of Archpriest Feodor Mikhailov (1903–1959). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 230–244. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-230-244>

История православного духовенства, покинувшего пределы СССР с отступающим Вермахтом, до сих пор до конца не изучена, что самое главное – не осмыслена. Мы прекрасно называем центры православной эмиграции, возникшие в Европе после поражения антибольшевистских сил в Гражданской войне в России, однако с большим трудом можем охарактеризовать ход образования центров подобной эмиграции после завершения Второй мировой войны. Любопытно отметить, что в число эмигрантов попали выходцы из потерявших свою независимость в ходе этой войны государств Балтии, Польши, оказавшиеся в сфере советского влияния государств Центральной, Восточной и Южной Европы. Однако еще более страдный путь проделали священнослужители в 1920–1930-е гг., несшие свой пастырский крест в РСФСР, УССР и БССР, и волею судеб оказавшиеся на оккупированной нацистами и их союзниками территории. Пальма первенства в изучении этих вопросов принадлежит зарубежным исследователям: В. Алексееву и Ф. Ставру (Alekseev, Stavrou, 1976); Х. Файрисайда (Fireside, 1971); А. Даллину (Dallin, 1957); В. Флетчер (Fletcher, 1971); Э. Трейлиб (Treulieb, 1965); В. Кале (Kahle, 1978/1979); Д. Поспеловскому (Поспеловский, 1995). К их числу можно отнести современную литовскую исследовательницу Регину Лаукайтите (Laukaitytė, 2002), а также и С-М. Майнера (Miner, 2003). Лишь последние два

десятилетия к этим именам добавились российские авторы: М.В. Шкаровский (Шкаровский, 2007), Б.Н. Ковалев (Ковалев, 2004) и А.А. Корнилов (Корнилов, 2000).

Однако в большинстве работ внимание уделяется явлению служения «под немцами», а не судьбе конкретных священников. К числу таких пастырей относится и герой данной статьи – протоиерей Феодор Михайлов. По средству обращения к его биографии мы познакомимся с юрисдикционными спорами внутри возникшей общины латвийских православных священников и Русской Православной Церковью Заграницей.

Важно отметить, что личность данного священника и по сию пору вызывает определенные споры у современных историков, зачастую придерживающихся противоположного мнения в отношении деятельности пастырей, служивших в период нацистской оккупации в составе Псковской Православной Миссии и Прибалтийского экзархата. Наиболее концентрировано об этом сказали петербургские историки спецслужб С.К. Бернев и А.И. Рупасов. Ссылаясь на ныне покойного публициста Л.И. Соколову, они отнесли отца Феодора к лицам, сотрудничавшим с немецкими специальными органами, и передававшим сведения о партизанах (Приказ, 2016. С. 14)¹. При этом надо учи-

¹ Приказ: Архив уничтожить! Прибалтийский экзархат и Псковская православная миссия в годы немецкой

тывать заведомо критическую позицию составителей сборника ко всем миссионерам, а также имеющиеся в нем фактические ошибки (так, если верить именному указателю, сведения о судьбе отца Феодора Михайлова находятся на странице 172, однако в этом месте сказано о связях священника Михаила Ноздрина с некоей Анной Михайловой, женой Александра Михайлова) (Приказ, 2016. С. 172)¹. Причем тут отец Феодор составители не поясняют.

Однако в работах других, серьезных церковных историков, также по сию пору встречаются неточности в описании биографии нашего героя. Для примера возьмем совместную работу московского историка иерея Ильи Соловьева и петербургского исследователя Михаила Шкаровского. В краткой биографической справке в конце они приводят данные о тех священниках, которые служили в составе Прибалтийского экзархата и Псковской Миссии в годы войны. При описании биографии протоиерея Феодора Михайлова происходит необъяснимое объединение его биографии с биографией другого человека. Обстоятельно описывая первый период его жизни, вплоть до эвакуации из Латвии, историки отмечают, что священник Михайлов остался на Родине, был арестован и после освобождения служил в конце 1950-х гг. на приходе села Васильевского Новгородского района (Шкаровский, Соловьев, 2013. С. 333). Далее указано, что пастырь находился за штатом с 1 октября 1959 г., проживал в Ленинграде в 1970–1976 гг., подавая многочисленные просьбы о возвращении к служению. Умер отец Феодор, если верить монографии 2013 г., в крайне нужде в июне 1976 г. (Шкаровский, Соловьев, 2013. С. 333).

Для того, что не допустить неточностей в описании, обратимся к биографическим данным, которые отец Феодор Михайлов сам привел в анкете священнослужителя Германской епархии РПЦЗ 25 декабря 1946 г. (Архив Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей (АГЕ РПЦЗ). Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 17). Родился пастырь 10 июля 1903 года. Местом рождения будущего свя-

щенника был поселок Плюсса, располагавшийся тогда в Санкт-Петербургской губернии (ныне центр одноименного района в Псковской области). По окончании 4-классного училища Федор Михайлов на протяжении пяти лет обучается в Петроградском духовном училище (окончил в 1924 г.), Петроградском Богословском институте (момент окончания последнего определяет в анкете 1928 г.) (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 18). Все документы об окончании этих духовным учебных заведений были изъяты советскими следственными органами при аресте (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 18). Его рукоположение во диаконы совершил епископ Кронштадтский Венедикт (Плотников) 13 октября 1924 г. и назначил к служению к Воскресенско-Покровскому женскому монастырю близ станции Плюсса. С 1925 г. диакон Феодор Михайлов был приписан к Александро-Невской лавре и являлся секретарем епископа Колпинского Серафима (Протопопова). В 1927–1928 гг. диакон Феодор Михайлов был перемещен к собору Рождества Пресвятой Богородицы Новой Ладogi.

В сан иерея Феодора Михайлов рукоположил один из лидеров иосифлянского движения епископ Гдовский Димитрий (Любимов) 5 марта 1928 г., то есть уже после выхода знаменитой «Декларации о лояльности» митрополита Сергия (Страгородского) и реакции на последнюю со стороны епископата. Первым местом его священнического служения стала Покровская церковь близ нынешней железнодорожной станции Тигода в Киришском районе Ленинградской области. В период 1928–1929 гг. отец Феодор был награжден набедренником и камилавкой епископом Нарвским Сергием (Дружининым), тоже видным иосифлянином (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 17).

Из анкеты мы узнаем и точные даты заключения священника: с 3 сентября 1929 г. по 15 марта 1941 г. (заключение он отбыл на Колыме) (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 17). Историк К.П. Обозный сумел установить точную дату возвращения протоиерея Феодора Михайлова к служению в условиях нацистской оккупации с образованием Псковской Православной Миссии. 7 октября 1941 г. священник был принят, как показано в

оккупации 1941–1944: сб. док. / авт.-сост.: Бернев С.К., Рупасов А.И. СПб.: Арт-Экспресс, 2016. 552 с.

удостоверении «из Иосифлянского раскола в общине с Московской Патриархией» (Обозный, 2008. С. 365). Если учесть, что сама миссия была образована в середине августа 1941 г., то освободившийся незадолго до начала войны из лагерей священник через несколько месяцев вошел в контакты с прибывшими из Риги миссионерами и продолжил свое церковное служение, прерванное ранее 11-летним заключением.

Следует сразу сказать несколько фраз и о семье священника. На 1946 г. она состояла из супруги 44 лет, трех сыновей: Павла (25 лет), Александра (21 год), Сергия (12 лет) (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 17) и 23-летней дочери Людмилы (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 18). Сразу отметим, что, находясь в Германии, по крайней мере один сын отца Феодора, Александр, прислуживал псаломщиком, о чем говорит подписанное митрополитом Берлинским и Германским Серафимом (Лядэ) и игуменом Георгием (Соколовым) 12 октября 1949 г. удостоверение. В нем содержится высокая характеристика среднего сына священника: «За время своей службы псаломщик Михайлов А.Ф. проявил себя по должности псаломщика, как вполне знающий это дело, отличным чтецом и певцом и выполнял свои обязанности с искренним усердием, ревностью, добросовестностью, можно с уверенностью засвидетельствовать, что он и впредь будет достойным работником Церкви Христовой, и в особенности, если будет возможность получить высшее духовное образование, к чему А.Ф. Михайлов всегда имел благое стремление» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 4). К служению в Православной Церкви Александр Федорович пришел еще в период нацистской оккупации на Северо-Западе России. В начале он работал в миссии рассыльным, одно время по недоразумению просидел непродолжительный период в тюрьме, пока не был освобожден отцом. Впоследствии он стал учиться на организованных митрополитом Сергием (Воскресенским) знаменитых пастырско-богословских курсах в литовской столице (Обозный, 2008. С. 550).

По поводу канонической принадлежности священника Феодора Михайлова существуют раз-

ные точки зрения. Тонкий знаток истории иосифлянства Михаил Витальевич Шкаровский отмечает в краткой биографической справке на отца Феодора, что с 1928 г. он «несколько лет иосифлянин» (Шкаровский, Соловьев, 2013. С. 333). Известно, что в период нацистской оккупации отец Михаил выступил также и в качестве переговорщика с влиятельным иосифлянским пастырем отцом Алексием Кибардиным. В середине сентября 1943 г. протоиерей Алексей Кибардин решил воссоединиться с Московской Патриархией после переговоров с третьим управляющим Псковской Миссией протопресвитером Кириллом Зайцем и согласился на вхождение в состав миссии. В 1943 г. Кибардин провел переговоры в Управлении миссии со священниками Кириллом Зайцем, Николаем Шенроком, а также с секретарем Миссии А.Я. Перминовым (Шкаровский, 2006. С. 335).

Еще одним немаловажным вопросом в биографии протоиерея Феодора Михайлова периода Великой Отечественной войны и нацистской оккупации Северо-Запада России является степень его сотрудничества с органами СД, взаимоотношения с просоветским подпольем, а также политические воззрения, предопределившие лояльность к оккупационному режиму. Одними из важных, однако предвзятых источников, способных приоткрыть завесу тайн над данным вопросом, являются материалы допросов советскими специальными органами тех членов Псковской Миссии, которые не успели или же не захотели эвакуироваться на Запад. Перед тем как приводить эти данные подчеркнем, что безоговорочно доверять им нельзя, к тому же мы должны учитывать, что некоторые миссионеры знали, что отец Феодор отступил вместе с Вермахтом и могли некоторые аспекты сотрудничества с немцами приписать ему.

Ключевые показания против протоиерея Феодора Михайлова дали третий начальник Псковской Миссии протопресвитер Кирилл Зайц, протоиерей Николай Жунда, а также секретарь Миссии Андрей Яковлевич Перминов. Важно отметить, что все трое не пережили условий советской лагерной действительности (хотя только отец Кирилл Зайц был в преклонных летах, отец Николай родился в 1913 г.,

а А.Я. Перминов в 1918 г.). Так, в «собственноручных показаниях» протоиерея Кирилла Зайца от 6 октября 1944 г. отмечено, что отец Феодор служил близ Плюссы, «имел встречи с партизанами», «сообщил об этом органам СД и местным властям» (История Псковской..., 2017. С. 54)². Кроме того, исходя из «показаний» «убоясь партизан», протоиерей Феодор Михайлов «ликвидировал свое хозяйство в Плюссе» и переехал в Псков, где был назначен на должность старшего ревизора. Любопытно, что в части показаний под общим заглавием «местонахождение упомянуты лиц в настоящее время» значится, что протоиерей Феодор Михайлов служил в Риги «при Ивановской церкви» (История Псковской..., 2017. С. 55)².

В октябре 1944 г. отец Кирилл Зайц в своих «собственноручных показаниях» дал более развернутую характеристику протоиерея Феодора Михайлова, а также обстоятельств знакомства с ним. Он отмечал, что Михайлов в Пскове оказался недавно, только в 1943 году. О священнике глава Псковской Православной Миссии знал очень немного: возраст его определял в 45 лет (на самом деле 41 год), отмечал, что Михайлов приехал из Плюссы, Ленинградской области. Внешний вид был описан следующим образом: «Среднего роста, подстриженный, бритый, достаточно полный, по видимому, отличающийся хорошим здоровьем» (История Псковской..., 2017. С. 79)². Отцу Кириллу был известен и факт принадлежности отца Феодора к иосифлянам, а также многолетнее заключение в советских лагерях, факт покаяния и воссоединения с Псковской Миссией.

Именно отец Кирилл Зайц поведал о том, что в Плюссе у священника Михайлова было серьезное «столкновение» с партизанами, в результате чего он решил спешно её покинуть. По поводу спешности глава миссии отметил, что вначале отец Феодор приезжает в Псков сам, а затем к нему присоединяется его семья, которая взяла с собой собран-

ный хлеб, картофель и корм для коровы. В главном городе миссии отец Феодор Михайлов был переведен на приход Дмитриевской церкви, где уже существовал знаменитый, организованный протоиереем Георгием Бенигсеном детский приют (последний разместился в Мирожском монастыре). Исходя из показаний протопресвитера Кирилла Зайца, протоиерей Феодор Михайлов быстро находит общий язык с митрополитом Сергием (Воскресенским), который возводит его в сан протоиерея и назначает старшим ревизором. Причиной такого расположения экзарха к плюсскому священнику отец Кирилл называет инцидент с партизанами, хотя нам представляется, что митрополит Сергей был предрасположен к «подсоветскому» духовенству, так как и его становление происходило при большевистской власти.

Некоторым сведениям протопресвитера Кирилла Зайца мы не можем доверять в полной мере. В особенности это касается степени сотрудничества священника с немецкими органами СД. Арестованный пастырь отмечает, что отец Феодор размещал его во время отъездов Зайца, а также часто посещал «по дороге домой» органы СД вместе с отцом Георгием Бенигсеном (про себя заметим, что оба священника не были в тот момент в зоне досягаемости советских специальных органов). Наконец, отец Кирилл отмечает, что ему доподлинно неизвестно какие конкретные сведения, помимо требуемых, предоставлял Михайлов СД, кроме тех, которые необходимо было отправлять управлению миссии (История Псковской..., 2017. С. 79–80)².

Со слов протопресвитера Кирилла Зайца, отец Феодор активно выступал в период немецкой оккупации как ярый противник и критик советской власти. В подтверждении этого тезиса в «собственноручных показаниях» присутствуют следующие слова: «В одно из воскресений, когда именно – не помню, им была произнесена одна из сильнейших проповедей о большевизме, о порабощении России большевиками, и о спасении России немцами – победою над Красной Армией» (История Псковской..., 2017. С. 80)². По версии отца Кирилла, эта речь очень понравилась офицеру СД, присутст-

² История Псковской православной миссии в документах: [в 2 ч.]. Ч. II. Документы судебно-следственных дел. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь, 2017. 736 с.

вующему в храме, который пожал протоиерею Феодору Михайлову руку и заявил, что ранее не слышал ничего подобного. О дачи подписки отца Феодора Михайлова, в числе других священников, о сотрудничестве с органами СД, протопресвитер Кирилл Зайц упоминал не единожды в своих показаниях (История Псковской..., 2017. С. 104–105, 136)².

Правдивым выглядит другой момент – вопрос об эвакуации в завершающий период нацистской оккупации. Глава Миссии обращался к Михайлову с предложением остаться, однако последний от этой идеи отказался, справедливо отмечая, что ему – «крышка», в случае восстановления советской власти. Также Зайц отметил, что и на этот раз эвакуировавшегося священника ласково принял митрополит Сергей, назначив к Иоанновской церкви Риги вместо протоиерея Феодора Ягодкина (История Псковской..., 2017. С. 80)².

Теперь обратимся к протоколам допросов другого члена Псковской Миссии протоиерея Николая Жунды. Как и протопресвитер Кирилл Зайц, отец Николай приводит сведения о сотрудничестве протоиерея Феодора Михайлова с органами СД, а также о предоставлении им сведений о партизанах и иных «неблагонадежных лицах», согласно специальному циркуляру миссии 1942 г. В сотрудничестве с гестапо отца Феодора обвинил Андрей Яковлевич Перминов в ходе дачи показаний в декабре 1944 г.: «Ф. Михайлов, священник в Плюссе, а затем помощник начальника Миссии. Сотрудничал с гестапо в Плюссе. Осенью 1943 г. показывал мне справку Плюского гестапо, что он является секретным сотрудников гестапо. В справке Плюское гестапо просило оказывать Михайлову всяческое содействие» (История Псковской..., 2017. С. 248)².

Наконец, рассмотрим показания, данные протоиереем Николаем Мироновичем в середине ноября 1944 г. Последний отмечал участие главного героя нашей статьи в мероприятиях, связанных с годовщинами нацистской оккупации (История Псковской..., 2017. С. 360)², а также поведал следствию о том, как протоиереи Николай Жунда и Феодор Михайлов проводили расследование жалоб на Мироновича по поводу растрат и поведении

(на его взгляд не вполне объективно) (История Псковской..., 2017. С. 362)².

Теперь зафиксируем места служения Михайлова в военное время. М.В. Шкаровский и иерей Илья Соловьев отмечают в своей работе, что отец Феодор был священником в родной Плюссе в период нацистской оккупации (Шкаровский, Соловьев, 2013. С. 280). Кроме Плюссы, местами его служения были: село Вилени Лужского района, приход Гдовского округа и Дмитриевская церковь в Пскове. Благочинным Псковского округа протоиерей Феодор Михайлов являлся в период с 7 августа 1943 г. до 19 февраля 1944 г. (Шкаровский, Соловьев, 2013. С. 53).

За время служения под немцами на территории нынешних Ленинградской и Псковской областей РФ и Латвии священник 23 апреля 1943 г. был награжден наперсным крестом митрополитом Литовским и Виленским Сергием (Воскресенским) (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 17). 23 декабря того же года экзарх Прибалтики возвел отца Феодора Михайлова в сан протоиерея. Следующее награждение, палицу, он получит уже от митрополита Берлинского и Германского Серафима (Лядэ) 27 августа 1945 г. (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 17).

Находясь в Латвии, отец Феодор составил один из самых глубоких по своему значению рапортов, посвященных религиозности российских беженцев, которые оказались вместе с отступающим Вермахтом на территории Балтии. Священник писал, что при работе Внутренней миссии в Латвии он замечал, что многие беженцы желали окрестить ребенка не из религиозных побуждений, а ввиду того, что хотели получить продукты и, в первую очередь, выдаваемый после Таинства, алкоголь. Отец Феодор считал существовавшую в Латвии практику выдачи родителям водки после крещения пагубной и что беженцы из РСФСР должны оставаться без таких «сомнительных» подарков. Пастырь писал епископу Рижскому Иоанну (Гарклавсу), что ему отнюдь не жалко выдать пива или водки беженцам, однако он замечал, насколько низкой стала религиозность у народа, ранее носившего имя «Богоносца» (Обозный,

2008. С. 393). Протоиерей Феодор Михайлов особо подчеркивал, что если владыка Иоанн «по юридическим соображениям» не может издать распоряжение об этом запрете, то пусть он оповестит благочинных о том, что необходимо тщательнее проверять причины, которые побуждали родителей к крещению детей. Епископ Иоанн поддержал начинание священника. Через 9 дней после рапорта протоиерея Михайлова 21 июня 1944 г. вышел специальный циркуляр № 1645, в котором говорилось об участившихся случаях кощунственного отношения части беженцев из СССР к Таинству Святого Крещения, в результате чего выдача справок для получения подобных премий гражданам, не проживавшим на территории Латвии до войны, была прекращена (Обозный, 2008. С. 394). Справедливости ради следует отметить, что подобного рода решение не носило дискриминационный характер, а, наоборот, подстегивало духовенство к тому, чтобы тщательнее следить за своим моральным обликом и оставаться примером для некрепких в вере «подсоветских людей». Отметим также, что причиной подобного поведения отец Феодор в своем рапорте посчитал большевизм и его более чем 20-летнюю атеистическую пропаганду.

Перенесемся в послевоенную Германию, где обнаружим нашего героя. В период своего пребывания в этой стране у протоиерея Феодора Михайлова имелась ставленическая грамота в сан протоиерея, в которой были указаны номера тех документов, которые были им утрачены в феврале 1944 г. (многие документы протоиерея Феодора Михайлова погибли во время печально знаменитой бомбардировки Пскова 18 февраля 1944 г.).

19 мая 1945 г. отец Феодор обращается к митрополиту Германскому и Берлинскому Серафиму (Лядэ) с просьбой отпустить необходимую сумму денег для того, чтобы соорудить в Свято-Покровской церкви в Регенсбурге новый иконостас. Примечательно, что для сооружения иконостаса протоиерей просматривал и оценивал такие примеры как «Местные Иконы и Архангелы» в васнецовском стиле, «Тайную Вечерю» Леонардо да Винчи и за престольную икону «Воскресения Хри-

стова» неизвестного письма (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 10).

25 июля 1945 г. протоиерей Феодор Михайлов обратился к митрополиту Серафиму со следующим прошением: «Ваше Высокопреосвященство, дорогой и любимый Владыка Серафим, волею судеб промысла Божия, я недостойный протоиерей с Города Риги прибыл в Баварию в Город Регенсбург, где проживало много людей православного исповедания, считая своим пастырским долгом я обслуживал их религиозные нужды, а при оккупации Баварии Американскими войсками принимал горячее участие в организации Православной Церковной общины, в настоящее время община зарегистрирована соответствующей Американской комендатурой и в наше пользование предоставлена протестантская кирха, где мы регулярно и совершаем Божественные службы» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 19). В завершении прошения протоиерей Феодор Михайлов надеялся, что митрополит Серафим предоставит ему возможность продолжить служение в Регенсбурге.

2 августа 1945 г. митрополиту Серафиму (Лядэ) написал директор русской гимназии в Регенсбурге Александр Григорьевич Попов. Легендарная личность, последний директор Великого Князя Константина Константиновича Кадетского корпуса, в письме давал лестные для переехавшего в Германию «подсоветского» священника характеристики: «Он произвел на меня определенное впечатление пастыря твердого и знающего в служении св. Православной Церкви и вместе с тем человека очень доброго, чистого сердцем, бескорыстного и бесхитростного, за что и любим своею паствою. Прошу Вас верить, что письмо это продиктовано не каким-либо моим пристрастием, но вполне отвечает истине, которую так трудно познать, когда встречаешься с человеком незнакомым да к тому же прожившим долгое время в Сов. России» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 20). Заканчивалось письмо признанием Александра Григорьевича в личном тяжелом моральном и физическом состоянии, омраченном гибелью кадетского корпуса, в котором Попов видел «смысл своего существования» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 20).

Итак, после того как протоиерей Феодор Михайлов оказался на территории Германии он достаточно быстро смог расположить к себе ту русскую эмиграцию, еще первой волны, которая переехала из Югославии в Германию, а также местную русскую эмиграцию. Теперь перед ним стояла дилемма выбора юрисдикции, к которой следует относиться в новых для себя условиях. В отличие от большинства прибывших из Латвии священников, отец Феодор не относился к пастырям, чье становление прошло в период руководства Латвийской Православной Церковью архиепископом Иоанном (Поммерсом) и митрополитом Августиним (Петерсонсом). При этом в условиях жестких гонений со стороны советского государства отец Феодор относился к иосифлянам, не признающим компромиссы с действующими гражданскими властями. После 11 лет лагерей в пределах Крайнего Севера священник попадает на оккупированную территорию и входит в состав «Православной миссии в освобожденных областях России» (официальное название Псковской Миссии, данное оккупантами). Воссоединившись через участие в ней с московскими церковными властями и их ставленником митрополитом Сергием (Воскресенским), Михайлов добился расположения церковных властей и занимал в завершающий период оккупации высокие должности. Особым расположением священник пользовался у одного из наследников митрополита Сергия (Воскресенского) – епископа Рижского Иоанна (Гарклавса). Вопрос о юрисдикционном положении последнего же был дискуссионным.

Дело в том, что на территории Германии проживал еще один представитель латвийского епископата – митрополит Августин (Петерсонс). С 1936 г. он возглавлял Латвийскую Православную Церковь, которая перешла в подчинение Константинопольского Патриархата. После событий 1939–1940 гг. митрополит Августин, как многие другие православные иерархи стран Балтии и Польши, вынужден был принести покаяние перед церковными властями в Москве. В начале 1941 г. он отошел от дел, однако с началом немецкой оккупации вышел из подчинения экзарха Сергия (Воскресен-

ского) и попытался восстановить собственную церковную юрисдикцию. После неудачных попыток восстановления своей власти над православными приходами Латвии, митрополит Августин переехал в Германию. Вплоть до своей кончины пожилой архиерей проживал в санаториях Германии. Очень часто владыка Августин, подстрекаемый своим окружением, стремился создать Латвийскую Православную Церковь в изгнании (подробно об этом можно прочитать в статье немецкого исследователя Анатолия Кинстлера в журнале «Православие в Балтии» (Кинстлер, 2015).

Дело в том, что позицию митрополита Августина по вопросу принадлежности к той или иной юрисдикции можно обозначить как «маятник», качающийся то в сторону налаживания контактов с РПЦЗ, то в сторону создания ЛПЦ в изгнании, то в русло возобновления переговоров с представителем Константинопольского Патриархата митрополитом Фиатирским Германосом (Стренопулосом), принимавшим самое активное участие в выборах митрополита Августина главой ЛПЦ в середине 1930-х гг. Например, в августе 1946 г. в одном из германских санаториев, где проживал в тот момент глава Латвийской Православной Церкви, состоялось собрание его сторонников, итогом которого стало письмо митрополиту Германосу и фактическое признание эмигрантской структуры ЛПЦ в подчинении Вселенского Патриархата (Strods, 2005. Сpp. 182–184).

Естественно, что в процессе этих «переговоров» всплывал вопрос об участии в обсуждении епископа Иоанна (Рижского). Несложно догадаться, что между митрополитом Августиним и епископом Иоанном были напряженные отношения в связи с острыми юрисдикционными противоречиями периода нацистской оккупации (один епископ выступал за «промосковскую юрисдикцию», а другой – резко против нее). В ноябре 1946 г., по инициативе епископа Иоанна (Гарклавса) прошли переговоры двух архипастырей, итогом которых стало компромиссное решение о создании Синода Латвийской Православной Церкви в эмиграции, а также возгавления этой церковной структуры митрополитом Августиним. При этом епископ Иоанн мог ру-

ководить ЛПЦ в эмиграции в случае болезни владыки Августина (Гаврилин, 2009. С. 277–280). 12 заседаний Синода прошло в период с 1947 г. по 1949 г., однако они сохранили имеющиеся споры в среде новой латвийской православной эмиграции. Так священники, неприязненно относящиеся к позиции епископа Иоанна времен войны, настаивали, что он епископ «московской красной церкви» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 6. Д. 6/7. «Личное дело протоиерея Иоанна Лиепиньша» Л. 6. об.). Что же касается ближнего круга епископа Иоанна, то представители этой части латвийского православного духовенства тяготели к переезду за океан и вхождению в юрисдикцию Северо-Американской митрополии. При этом интересно отметить, что именно поборники линии митрополита Августина были в большей степени ориентированы на РПЦЗ, нежели епископ Иоанн (Гарклавс), (который был и в неприятии «карловчан» верен почившему митрополиту Литовскому и Виленскому Сергию (Воскресенскому)). В данном случае наш герой оказался между двух огней. Он не принадлежал к тем священникам, которые служили в межвоенное время в Латвии, к тому же не был этническим латышом. Одновременно с этим, по своим политическим взглядам он тяготел к РПЦЗ, в том числе по причине отношения в конце 1920-х гг. к иосифлянам. Добавим к этому его благодарность за помощь в 1944 г. епископу Иоанну (Гарклавсу). С последним он сохранил теплые отношения и в Германии. О последнем, а также о возможной подготовке семьи Михайловых к переезду за океан, узнали священники, относящиеся к Берлинской и Германской епархии РПЦЗ.

Одним из основных обязанностей протоиерея Феодора Михайлова во время его нахождения в Германии стало служение в тюрьмах. Епархиальное управление поручило отцу Феодору обслуживание заключенных в тюрьме в Штраубинге (Бавария) с условием постоянного информирования управления о результатах этой деятельности (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 14). О первых итогах этого служения протоиерей Феодор Михайлов информировал митрополита Серафима (Лядэ) в рапорте от 29 апреля 1948 г.: «Честь имею доложить Вашему Высокопреосвященству о том, что

согласно Вашего распоряжения от 1-го Апреля с/г, мне поручено обслуживание заключенных в тюрьмах в Штраубинге и Регенсбурге, дело оказалось не совсем легким, т. к. имеет разрешение на посещение заключенных в тюрьмах о. Иоанн Легкий, а разрешение дают только одному священнику от каждого вероисповедания. Но, Слава Богу, по Вашим Святым молитвам я прошел процедуру оформления и мне старший Инспектор Баварских тюрем дал разрешение посещать и совершать Богослужения в Баварских тюрьмах один раз в две недели. С Вашего Архипастырского Благословения я на первой неделе Святой Пасхи совершу Литургии /тюремных костелах/ для заключенных в Штаубинге 4-го и Регенсбурге 6-го мая. С помощью Божией постараюсь регулярно посещать указанные места и в них томящихся» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 9). В скором времени к этим городам прибавилась и тюрьма в городе Амберге. В 1948 г. в пасхальное время в ней находилось в заключении 32 православных человека, которым отец Феодор каждому собственноручно передал по килограмму хлеба, одному яйцу, а также килограмму табака. Помимо молебна, священник произнес поучение на тему «Бог в природе человека». В тюрьме в Штаубинге отбывало наказание 48 православных заключенных, 20 из которых 19 мая 1948 г. исповедовались и приобщились к Святым Тайнам. Общее впечатление протоиерея Феодора Михайлова было тягостным от этих заключенных, так как большинство из них только в тюрьме «познали Бога и верили себя его Промыслу» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 12). Тем не менее, по мнению пастыря, когда он уезжал, большинство заключенных надеялись на повторный приезд священника как в силу желания исполнения своих религиозных потребностей, так и по причине получения продовольственной помощи.

В ходе тюремного служения у отца Феодора возникали существенные трудности. Так однажды он серьезно заболел гриппом, который дал осложнение на общее состояние здоровья пастыря. Еще одной проблемой стало получение пропуска в тюрьму, так как юридическая секция в Регенсбурге отказывалась его предоставить, намекая на не-

обходимость обращения в Мюнхен. Священник просил, чтобы владыка Серафим (Лядэ) подписал официальный указ, переведенный на немецкий язык, гарантирующий Михайлову беспрепятственный доступ в тюрьмы Баварии (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 13–13 об.). При этом пропустить запланированные посещения тюрем отец Феодор мог только ввиду болезни, всегда информируя об этом епархию и прося найти ему замену.

В конце июля 1948 г. протоиерей Феодор Михайлов отчитывался в рапорте митрополиту Серафиму о проделанной с 5 мая по 14 июля 1948 г. работе по окормлению заключенных в тюрьмах Штраубинга, Амберга и Регенсбурга. Пастырь отмечал, что с меньшей регулярностью ему получается посещать тюрьму в Штраубинге (2–3 раза в месяц). При этом в указанный срок заключенным в Штраубинге он передал 467 кг черного хлеба, 38 кг сухарей, 6 кг табаку, 29 пачек папирос, 5 кг мыла, 7 кг сахару, 16 кг макарон, 22 кг гороха, 16 кг крупы, 2 кг сухого молока, 100 штук куличей и столько же яиц, 36 тюбиков зубной пасты, 80 расчесок, 900 таблеток сахарину, 4 кг жиров, 40 зубных щеток (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 7). Также заключенные получили 100 Евангелий, 60 молитвенников, 100 нательных крестиков и 100 экземпляров светской литературы. 16 «единоличных посылок» было переслано протоиереем Феодором Михайловым в другие тюрьмы от 8 до 14 кг каждая. В заключение священник отмечал: «В связи с денежной реформой так часто посещать заключенных и посылать пакеты, а меня осаждают просьбами ежедневно, я очень скорблю, что не в состоянии удовлетворить полностью их просьбы, более всего меня смущает железнодорожный проезд, т. к. никаких средств у меня нет, следующая поездка назначена в начале Августа» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 7).

Труд протоиерея Михайлов по окормлению заключенных в Регенсбурге, Амберге и Штраубинге был высоко оценен митрополитом Серафимом, который своим указом от 24 мая 1948 г. выразил отцу Феодору благодарность и благословил его на дальнейшую деятельность на этой ниве (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 11).

В период своего служения на территории Германии протоиерей Феодор Михайлов успел поработать на должности епархиального следователя. 31 января 1947 г. определением митрополита Серафима (Лядэ) было принято решение упразднить должность епархиального следователя и отстранить от нее протоиерея Феодора Михайлова. Вместо должности епархиального следователя учреждались духовные суды и духовные следователи для епархиальных округов (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 16). Однако владыка Серафим не решился оставить протоиерея Феодора Михайлова без послушания и назначил его членом Епархиального Миссионерского комитета (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 16 об.).

Иногда протоиерей Феодор Михайлов становился «третьей стороной» в конфликтах между православным духовенством и мирянами. Так, в 1947 г. в приходе в лагере для перемещенных лиц в Кемптене разразился конфликт между той группой верующих, которые считали, что местный священник Виктор Колиберский не контролирует ситуацию в приходе, и теми, кто поддерживал священника. Большая часть приходского совета также не подчинялась священнику и находилась с ним в остром конфликте. Противники настоятеля Пантелеимоновской церкви в Кемптене просили от митрополита Серафима (Лядэ) направить в Кемптен нового настоятеля. Протоиерей Феодор Михайлов был направлен в Кемптен в качестве Уполномоченного от Епархиального управления. Как пишет А.В. Гаврилин, последний видел причину конфликта в излишне мягком характере отца Виктора и отсутствия у него административных навыков (Гаврилин, 2013. С. 215–216). Масла в огонь подлил факт принятия Колиберским предложения другого кемптенского храма, Свято-Николаевского, об объединении двух приходов (храм Великомученика Пантелеимона был госпитальным) под общим руководством протоиерея Виктора Колиберского. Конфликт разрешился, в том числе благодаря высказанному протоиереем Феодором Михайловым мнению, назначением в Свято-Пантелеимоновскую церковь настоятелем протоиерея Симеона Бразовского, выходца с территории современной Беларуси.

Несмотря на достижения в пастырском служении на германской земле, священник стал думать о переезде за океан. Известно, что определяющим событием для процесса переезда православных латвийских священников из Германии в США стало прошение епископа Иоанна (Гарклавса) от 1 октября 1947 г. на имя митрополита всея Америки и Канады Феофила (Пашковского) с просьбой принять как самого епископа, так и сопровождающее его духовенство в состав Северо-Американской митрополии (Гаврилин, 2013. С. 112). 12–13 ноября 1947 г. в Сан-Франциско собирается Собор епископов Северо-Американской митрополии, на котором было принято положительное решение о принятии епископа Иоанна (Гарклавса) и близких к нему священников в свою юрисдикцию. 10 мая 1947 г. документы для переезда в США передали: сам епископ Иоанн, протоиерей Леонид Ладинский, протоиерей Николай Перехвальский, протоиерей Николай Виеглайс. Подал документы и протоиерей Феодор Михайлов (Гаврилин, 2013. С. 112).

Между тем, пока процесс переезда в США затягивался, отец Феодор вынужден был «отчитываться» перед представителями РПЦЗ по поводу своих переговоров с епископом Иоанном. Во второй половине 1940-х гг. протоиерей Феодор Михайлов попал в гущу конфликта нескольких православных юрисдикций, в состав которых входили эвакуировавшиеся из Латвии в Германию священники. Отец Феодор отмечал в прошении на имя епархиального секретаря игумена Георгия (Соколова), что сведения о том, что он находится в юрисдикции епископа Иоанна (Гарклавса) не соответствуют действительности. Священник подчеркивал, что после своего назначения, последовавшего после 3 августа 1945 г. на приход в Регенсбург к Свято-Покровской Церкви, он продолжает «верой и правдой» служить митрополиту Серафиму (Лядэ).

Свои теплые отношения с владыкой Иоанном Михайлов объяснял следующим образом: «Что же касается Влад. Иоанна Рижского, то я Вл. Иоанну очень многим обязан, я его неоплатный должник. Когда я был сильно ранен и почти в бессознательном состоянии меня Немцы привезли в Ригу, то

Вл. Иоанн с чисто отеческой любовью принял не только одного меня, но и всю мою семью (а нас было шесть человек) к себе на квартиру, стеснил себя, предоставив нам две мебелированные комнаты в своих Архиерейских покоях и заботился обо мне лучше больничной сиделки день и ночь, ежедневно делал мне Сам перевязки, массаж и содержал всех нас на полном своем попечении несколько месяцев, и по моем выздоровлении определил меня на самое лучшее место Настоятелем Рижской Иоанновской церкви, где я с помощью Божией и упорядочил церковную жизнь в приходе, за что Вл. Преподдал мне свое Архипастырское благословение. Могу-ли я его забыть?» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 8). Данный факт подтверждает в своем исследовании ныне покойный латвийский историк Александр Гаврилин: «Так как после переезда семьи Гарклавс в Озолканс квартира епископа на улице Меркеля пустовала, в начале 1944 года в течение двух месяцев в квартире проживала семья протоиерея Феодора Михайлова: сам о. Феодор, его супруга Агафья Михайлова, их дети Людмила, Александр и Сергей. Во время эвакуации из Пскова в начале февраля 1944 года о. Феодор был ранен и, так как в Риге ему не было предоставлено жилье, епископ Иоанн решил эту проблему очень просто, пригласив семью священника пожить в его квартире. 10 марта 1944 года о. Феодор Михайлов был назначен настоятелем Рижской Св. Иоанновской церкви и несколько недель спустя его семья покинула гостеприимный дом Владыки» (Гаврилин, 2009. С. 189).

Далее отец Феодор намекал, что ложная информация о его намерениях сменить юрисдикцию является результатом козней злонамеренных лиц. Он снова и снова повторял, что «с большой осторожностью прислушивается к голосу своей пастырской совести» и не собирается «менять юрисдикции как перчатки» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 8). В качестве доказательства собственной стойкости и верности юрисдикции священник приводит пример из своего жизненного пути довоенного времени. Говоря о себе в третьем лице, Михайлов подчеркивает, что мог бы спокойно перейти к обновленцам, однако отказался от таких

предложений, в результате чего «избрал тюрьму и безропотно нес свой страдальческий подвиг в течение двенадцати лет, бросив на произвол судьбы свою любимую семью, которая вела нищенский образ жизни, ибо не имела никаких средств к существованию» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 8–8 об.). Характеризуя себя честным человеком, протоиерей Феодор Михайлов заявлял, что явился бы в случае желанья сменить юрисдикцию к митрополиту Серафиму лично, и прежде высказал бы все свои мысли о переходе в подчинение епископа Иоанна.

Далее следовала третья часть письма с изложением будущих планов отца Феодора Михайлова, из которых следовало, что он собирался покинуть пределы Германской епархии РПЦЗ и выехать за океан. Священник зашел издали, отмечая, что сам не хочет уезжать, однако дети просят его переехать, собирать необходимые для переезда документы. «Если промысел Божий» определит служить отцу Феодору на другом континенте, то он просил бы священноначалие о следующем: «То согласно отпускной грамоты и опять-же по своей пастырской совести я определяю свое положение. Воля на все Божия. А теперь все время бегаю по Регенсбургу и выпрашиваю хлеб для заключенных и слежу за росписью Иконостаса к работам уже приступили» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 8 об.).

В завершении письма священник выделил свои заслуги, подробно написал, что он обращался к главе Администрации американской зоны оккупации Германии генералу Люсиусу Клею с просьбами о помиловании заключенных (обещал перенаправить эти документы игумену Георгию в следующем письме). Смыслом этого письма отцом Феодором названо желание «излить тяжесть наболевшей души», упомянув одновременно, что его «дурной характер» не может помочь ему сидеть сложа руки (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 8 об.).

Итак, в данном письме прекрасно описана ситуация вокруг православных приходов как русского, так и латвийского православного рассеяния в критический момент. Перед большинством пасты-

рей уже тогда стояла дилемма отъезда в Америку или продолжения служения на территории Германии при условии постоянно уменьшающейся паствы. В этом письме, датированном 5 июня 1948 г., видно, что протоиерей Феодор Михайлов постепенно готовит себя к мысли об отъезде (о том, что прошение о переезде было передано им в прошлом году, отец Феодор умолчал).

29 июля 1948 г. протоиерей Феодор Михайлов пишет еще одно письмо, на этот раз уже на имя самого митрополита Берлинского и Германского Серафима (Лядэ), с целью разъяснения своих отношений с епископом Иоанном (Гарклавсом). Начинает свое объяснение священник с упоминания своего, как он говорит, «частного письма» в адрес игумена Георгия (Соколова). Исходя из дальнейших слов протоиерея Михайлова, создается впечатление, что владыка Серафим так и не получил должного разъяснения от игумена Георгия, в связи с чем последний направил священнику письмо с просьбой ответить главе Германской и Берлинской епархии РПЦЗ. В письме, в частности, было сказано следующее: «... с 1944 года я состою в юрисдикции Заграничного Синода и 3-го августа 1945 года ВАШИМ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВОМ принят в Клир Православной Епархии в Германии, с назначением меня священником в Город Регенсбург в Свято-Покровскую церковь, где я прохожу свое Священно-Пастырское служение под ВАШИМ АРХИПАСТЫРСКИМ РУКОВОДСТВОМ И ПОПЕЧЕНИЕМ, отдавая свои силы на служение БОГУ и ЕГО СВЯТОЙ ЦЕРКВИ. Что же касается преосвященного Иоанна. Епископа Рижского, то я с ним не прерывал молитвенного общения, но поддерживался от сослужения, и после того, когда Владыка Иоанн посетил целый ряд Храмов Германской Епархии, я с ВАШЕГО благословения пригласил Владыку Иоанна и Он с Чудотворным Образом посетил нас и я с ним сослужил всего один раз, больше Владыка к нам не приезжал и никогда не предлагал перейти в его юрисдикцию» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 6). А вот далее в письме отразилось интересное объяснение слухов о подготовке священника к отъезду. В феврале 1948 г. епископ Иоанн (Гарклавс) сообщал отцу Феодору о

своих намерениях иммигрировать либо в США, либо в Парагвай. Для протоиерея Феодора Михайлова самым главным было отправить за океан собственных детей. Существовала так называемая специальная «латышская квота», которая была заполнена на 6 лет вперед. Только в 1948 г. вновь появилась возможность решить вопрос положительно. При этом священник напирал на то, что открыто признается в том, что у него «не лежит душа к отъезду». Однако протоиерей Феодор Михайлов решил упомянуть, что он сохранит «верность и любовь» к митрополиту Серафиму (Лядэ), отмечая, что у него никогда и мысли не было сменить юрисдикцию (в дальнейшем мы увидим, что ситуация сложится иначе).

Для усиления эффекта от собственного письма протоиерей Михайлов решает дополнить его перечислением собственных заслуг и текущих событий на приходе. Он выделяет особо работу над иконостасом, упоминает, что две иконы уже написаны, а также вспоминает о своем «тюремном» служении. В завершении священник просил у митрополита Берлинского и Германского архиерейского благословения, в связи с тем, что вверенная отцу Феодору община испытывала материальные трудности и не могла выделить необходимые средства для завершения росписи иконостаса (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 6 об.)

Нам доподлинно неизвестно умышленно ли «лукавил» протоиерей Феодор Михайлов для того, чтобы пресечь слухи о своем отъезде из Европы и контактах с епископом Иоанном (Гарклавсом). Скорее всего пастырь, испытавший на себе, в отличие от многих священников как первой, так и второй волны эмиграции, многолетние гонения большевиков, желал для себя лучшей жизни, которая виделась ему более безопасной за океаном, нежели в Германии, где количество верующих стремительно уменьшалось, а советское влияние было довольно ощутимым.

12 октября 1949 г. епархиальное управление Германской епархии РПЦЗ за подписью митрополита Серафима (Лядэ) и секретаря игумена Георгия (Соколова) выдало протоиерею Феодору Михайлову канонический отпуск. В документе значилось

следующее: «Выдан сей Епархиальным Управлением Православной Епархии в Германии протоиерею Феодору Михайлову во свидетельство того, что он находился на служении в православной епархии в Германии с июля месяца 1945 г. и уволен по причине выезда из Германии. За время своего служения протоиерей Феодор Михайлов под следствием, судом и запрещением не состоял и не состоит и препятствий к его переходу в другую епархию Русской Православной Церкви за границей со стороны Епархиального Управления Православной Епархии в Германии не встречается» (АГЕ РПЦЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 7. Д. 7/10. Л. 1). Сейчас сложно предположить догадывались давшие этот канонический отпуск представители РПЦЗ о том, что протоиерей Михайлов, как и большинство других священников из Латвии, перейдет в юрисдикцию САМ. Протоиерей Феодор Михайлов свой выбор сделал и был готов отправиться за океан вместе с семьей в поисках лучшей жизни и нового места служения.

Помимо протоиерея Феодора Михайлова в Нью-Йорке в начале 1950-х гг., оказались протоиерей Леонид Ладинский, протоиерей Николай Перехвальский, уже известный нам по Кемптону протоиерей Виктор Колиберский и его сын протоиерей Арсений Колиберский, неподалеку от города в Сиклиффе служил один из самых известных членов Псковской Православной Миссии протоиерей Алексей Ионов (Гаврилин, 2013. С. 216). Находился в городе и епископ Иоанн (Гарклавс). Естественно, что и в новых для себя условиях служения владыка Иоанн и солидарные с ним священники хотели создать свою собственную церковную структуру для обслуживания православных выходцев из Латвии. К сожалению, данное начинание, ввиду разбросанности переселенцев, успехом так и не увенчалось, приходы и священники стали «растворяться» в США и Канаде.

«Растворился» в этом служении и отец Феодор. Он служил в Нью-Йорке в храме Христа Спасителя вплоть до своей кончины в ноябре 1959 г. «Американский период» служения пастыря достоин отдельного рассмотрения, вне рамок данной статьи. Свое упокоение уроженец Плюссы нашел в Свято-Тихоновском монастыре в Пенсильвании.

Путь отца Феодора Михайлова тернист, не долог, весьма примечателен. Оказавшись в чужой, по сути, группе духовенства он смог найти себя как в латвийской православной семье, так и в РПЦЗ. Конечно, в рамках данного материала мы сумели

Библиографический список

Гаврилин А.В. Латвийские священнослужители на Американском континенте. М.: Общество любителей церковной истории, 2013. 407 с.

Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб.: Алаборг; Тихвин: Издательская служба Тихвинского монастыря, 2009. 464 с.

Кинстлер А. Прибалтийская православная тема в Архиве Германской Епархии РПЦЗ // Православие в Балтии. 2015. № 3 (12). С. 11–48.

Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М.: Аст: Транзиткнига, 2004. 486 с.

Корнилов А.А. Преображение России: о православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941–1945). Н. Новгород: ИФ ННГУ, 2000. 192 с.

Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии. 1941–1944 гг. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2008. 608 с.

Пospelовский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 509 с.

Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Вече, 2007. 512 с.

Шкаровский М.В. Судьбы иосифлянских пастырей. Иосифлянское движение Русской Православной Церкви в судьбах его участников. Архивные документы. СПб.: Сатисъ: Держава, 2006. 588 с.

Шкаровский М.В., Соловьев И. Церковь против большевизма. М.: Общество любителей церковной истории, 2013. 416 с.

Alekseev W., Stavrou T. The Great Revival. The Russian Church under German Occupation. Minneapolis, Burgess Publishing Company, 1976. 229 p.

Dallin A. German rule in Russia. 1941–1945. A study of occupation Policies. New York, St. Martin's Press, 1957. 695 p.

Fireside H. Icon and swastika. – Cambridge: Russian research center studies. 1971. 242 p.

Fletcher W. The Russian Orthodox Church Underground. 1917–1970. Oxford: Oxford University press, 1971. 314 p.

Kahle W. Die Orthodoxie im baltische Raum // Kirche im Osten. 1978/1979. Band 21/22. S. 78–107.

сделать только несколько штрихов к его портрету. Надеемся, что удастся вернуться к его биографии вновь. Также как и рассмотреть биографии оставшихся на Родине священников, что делают современные авторы (Oboznyi, 2017).

References

Gavrilin A.V. (2013) Latvian priests in America. Moscow: Obshchestvo lyubitelei cerkovnoi istorii. 407 p. (In Russ.)

Gavrilin A.V. (2009) Under the cover of the Tikhvin icon. Archpastoral path of John (Garklavs). Saint Petersburg: Alaborg, Tihvin: Izdatel'skaya sluzhba Tihvinskogo monastyrya. 464 p. (In Russ.)

Kinstler A. (2015) Baltic Orthodox theme in the Archive of German and Berlin Eparchy of Russian Orthodox Church Outside of Russia. *Pravoslavie v Baltii = Orthodoxy in Baltic Lands*. No. 3 (12). P. 11–48. (In Russ.)

Kovalev B.N. (2004) Nazi occupation and collaboration in Russia. Moscow: AST: Transitkniga. 486 p. (In Russ.)

Kornilov A.A. (2000) Transfiguration of Russia. Orthodox revival on Nazi occupied territories of USSR (1941–1945). N. Novgorod: N.I. Lobachevskii State University, Faculty of History. 192 p. (In Russ.)

Oboznyi K.P. (2008) History of Pskov Orthodox Mission. 1941–1944 gg. Moscow: Krutitskoie podvor'ie. 608 p. (In Russ.)

Pospelovskii D.V. (1995) Russian Orthodox Church in XXth century. Moscow: Respublika. 509 p. (In Russ.)

Shkarovskii M.V. (2007) Cross and swastika. Nazi Germany and Orthodox Church. Moscow: Veche. 521 p. (In Russ.)

Shkarovskii M.V. (2006) Fate of Josephite's priests. Josephite's movement in Russian Orthodox Church in fates of its participants. Archive sources. St. Petersburg: Satis: Derzhava. 588 p. (In Russ.)

Shkarovskii M.V., Solov'ev I. (2013). The Church against Bolshevism. Moscow: Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii. 416 p. (In Russ.)

Alekseev W., Stavrou T. The Great Revival. The Russian Church under German Occupation. Minneapolis, Burgess Publishing Company, 1976. 229 p.

Dallin A. German rule in Russia. 1941–1945. A study of occupation Policies. New York, St. Martin's Press, 1957. 695 p. (In Eng.)

Fireside H. Icon and swastika. – Cambridge: Russian research center studies. 1971. 242 p. (In Eng.)

Fletcher W. The Russian Orthodox Church Underground. 1917–1970. Oxford: Oxford University press, 1971. 314 p. (In Eng.)

Kahle W. Die Orthodoxie im baltische Raum // Kirche im Osten. 1978/1979. Band 21/22. P. 78–107. (In Germ.)

Laukaitytė R. The Orthodox Church in Lithuania during the Soviet Period // Lithuanian Historical Studies. 2002. Vol. 7. P. 68–94.

Miner S.M. Stalin's Holy War: Religion, Nationalism and Alliance Politics, 1941–1945. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003. 448 p.

Oboznyi K. Russian Orthodox Church in Pskov and Novgorod during the Stalin Era with special focus on the activities of the Council for Russian Orthodox Church Affairs in the given regions // Religiski-filozofiski raksti. 2017. № XXIII. P. 84–105.

Strods H. Metropolit Augustins Petresons. Dzive un dards. 1873–1955. Riga: Latvijas universitates, zurnals "Latvijas vesture fonds", 2005. 292 p.

Treulieb E. Metropolit Sergij von Riga und die «Orthodoxe Mission» in Pleskau // Kirhe im Osten. 1965. Band 8. S. 55–66.

Сведения об авторе

Петров Иван Васильевич,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная 7/9, Россия,
✉ e-mail: ivanpet1990@hotmail.com; i.petrov@spbu.ru

Заявленный вклад автора

И.В. Петров выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 5 августа 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 30 августа 2021 г.
Принята к публикации 13 сентября 2021 г.

Laukaitytė R. The Orthodox Church in Lithuania during the Soviet Period // Lithuanian Historical Studies. 2002. Vol. 7. P. 68–94. (In Eng.)

Miner S.M. Stalin's Holy War: Religion, Nationalism and Alliance Politics, 1941–1945. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003. 448 p. (In Eng.)

Oboznyi K. Russian Orthodox Church in Pskov and Novgorod during the Stalin Era with special focus on the activities of the Council for Russian Orthodox Church Affairs in the given regions // Religiski-filozofiski raksti. 2017. № XXIII. P. 84–105. (In Eng.)

Strods H. Metropolit Augustins Petresons. Dzive un dards. 1873–1955. Riga: Latvijas universitates, zurnals "Latvijas vesture fonds", 2005. 292 p. (In Latv.)

Treulieb E. Metropolit Sergij von Riga und die «Orthodoxe Mission» in Pleskau // Kirhe im Osten. 1965. Band 8. S. 55–66. (In Germ.)

Information about the author

Ivan V. Petrov,

Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Institute of History, Saint-Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya embankment, Saint Petersburg 199034, Russia,
✉ e-mail: ivanpet1990@hotmail.com; i.petrov@spbu.ru

Contribution of the author

I.V. Petrov carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received August 5, 2021.
Received August 30, 2021.
Accepted September 13, 2021.